

ПОСТАНАРХИЗМ. СОЛ НЬЮМЕН И ТЕОРИЯ НОВОЙ РАДИКАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Д.Б. ПОЛЯКОВ

Информационная эпоха, начавшаяся со второй половины XX в., сегодня достигает кульминационного момента в том смысле, что она со всей очевидностью начинает демонстрировать свои «подводные камни». Знание, получаемое из множества разнообразных источников, становится настолько противоречивым, что в конечном итоге превращается лишь в видимость знания, обусловленную идеологией (или позицией, если угодно) этого самого источника. И здесь мы с необходимостью сталкиваемся с проблемой управления, проблемой власти.

Стоит уточнить, что в данном случае не подразумевается власть какого-либо института, класса или отдельного человека. Речь идет скорее о фундаментальном принципе, чем об атрибуте, что означает наличие власти не вне или над человеческим обществом, но в самой его структуре. Этому, в частности, была посвящена значительная часть философского творчества одного из столпов постструктурализма Мишеля Фуко, его «микрофизика власти»: «В обществе имеются тысячи и тысячи различных властных отношений... И если верно, что этими малыми отношениями власти руководят, индуцируя их, крупные органы государственной власти или великие институты классового господства, то все-таки необходимо сказать, что и в обратном смысле всякое классовое господство или государственная структура могут функционировать должным образом только если в самой их основе существуют эти мелкие отношения власти»¹.

Вместе с тем этот дискурс власти не означает отсутствия противоположных стратегий и практик. По словам того же Фуко, «то, что мы никогда не можем быть “за пределами власти”, не означает, что мы в любом случае ею схвачены»². Постструктуралистская критика авторитарных структур (в обществе, в мышлении, в тексте) позволяет нам вполне обоснованно сопоставить эту неоднозначную (опять же в силу своего антиавторитаризма) теоретическую концепцию с теорией анархизма, как известно, наиболее радикальной в своей критике политической власти, а также рассмотреть феномен, вынесенный в заглавие статьи, — постанархизм.

Постанархизм — явление на данный момент малоизученное в отечественной социальной и политической философии. Возможно, это объясняется тем, что анархизм как таковой всегда занимал некое маргинализированное положение в политическом, культурном и, соответственно, научном плане. Что же касается постанархизма, то это по большому счету теоретическое направление оформилось сравнительно

недавно — в середине 90-х гг. XX в., что, быть может, и является дополнительным фактором отсутствия интереса к этому феномену в России (есть лишь несколько статей, написанных, как правило, самими анархистами для таких же анархистов). Исходя из самого названия, можно дать условное определение понятия «постанархизм» — теоретическое взаимодействие анархизма с постструктуралистской и постмодернистской философией. Один из теоретиков этой концепции Джейсон Адамс также отмечает: «Чтобы понять, чем является возникнувший феномен “постанархизма” в настоящий момент, прежде всего, нужно понять, чем он не является: это не “изм”, как прочие — это не еще один набор идеологий, доктрин и верований, которые можно позитивно трактовать как связанную тотальность, которую можно принять и затем агитировать среди “масс”»³. Другими словами, постанархизм есть преодоление идеологизированных и даже авторитарных тенденций, имплицитно свойственных классическому анархизму и его отдельным направлениям: анархо-коммунизму, анархо-синдикализму и т.д.

Наиболее отчетливо эта тенденция выражена в работах австралийского ученого Сола Ньюмена (Saul Newman). Он полагает, что, в отличие от экономического детерминизма и диалектического метода, используемых марксистами, анархизм опирается на манихейскую логику, логику бинарной оппозиции: «пространство власти» (place of power) — «пространство сопротивления» (place of resistance), «государство» — «общество». Таким образом, считает Ньюмен, анархисты впервые поставили вопрос о феномене власти как таковой, но ограничились лишь одной из ее форм, а именно государственной властью.

Недостаток классического анархизма, с точки зрения Ньюмена, имеет свои корни в противопоставлении естественного и искусственного авторитета (authority). Последний олицетворяет собой государство, и Ньюмена этот авторитет интересует не так сильно. Естественный же авторитет, например для Бакунина, заключается в законах природы: «Он считает, что они окружают нас, формируют нас и определяют физический мир, в котором мы живем. Каждый, следовательно, этими законами определяется. Нет никакой возможности избежать этой формы авторитета»⁴. Из всего этого делается вывод о том, что человеческой природе изначально присущи эссенциальные характеристики, среди которых главную роль играют рациональность и мораль. Государство же рассматривается анархистами как нечто иррациональное и аморальное, чему следует сопротивляться. Именно в этом противопоставлении Ньюмен и усматривает минус манихейской логики анархизма, поскольку именно в самом государстве заключено эссенциальное значение для существования революционного субъекта: «Пространство сопротивления зависит от пространства власти, и наоборот. Одно определяет себя в оппозиции к другому. Чистота (purity) революционной идентичности определяется лишь отличием

от нечистоты (impurity) политической власти. Восстание против государства всегда будет побуждаться со стороны государства»⁵.

Анархизм базируется на указанном понятии чистоты революционной идентичности. Эта идентичность, включающая в себя эссенциальные характеристики и представляющая собой человеческую сущность, а также идея естественного человеческого общества есть неиспорченный властью отправной пункт классического анархистского дискурса. С точки зрения классиков анархизма, эта сущность подавлена государственной властью и религией, но, тем не менее, она остается «чистым пространством сопротивления», остается вне власти. Ньюмен разрушает эту теорию, ссылаясь на самих ее апологетов — Михаила Бакунина и Петра Кропоткина. Они сами признавали наличие у человека врожденного инстинкта или, как это называл Бакунин, принципа власти: «Каждый носит в себе его зародыш, а известно, что каждый зародыш, в силу основного закона жизни, должен необходимо развиваться и расти»⁶. Именно поэтому анархисты делали вывод о недопустимости концентрации какой-либо власти в руках человека. Ньюмен же из этого тезиса вскрывает противоречие между идеей разрушения власти, которую декларировал анархизм, и тем фактом, что стремление к власти есть одна из эссенциальных (пусть и неприятных) характеристик человеческой природы. Иными словами, «в то время как анархизм опирается на понятие эссенциальной человеческой субъективности, неиспорченной властью, этой субъективности невозможно достичь»⁷.

Ньюмен предлагает модель, альтернативную тем общественным отношениям, которые выстраивают в своих теориях анархисты и государственники, подобные Томасу Гоббсу: модель гармоничного социального взаимодействия, с одной стороны, и гоббсовская модель «войны всех против всех», с другой. Эти теории «представляют собой две стороны одной идеалистической монеты — в некотором смысле, они являются зеркальным отображением друг друга»⁸. Ньюмен, в противовес им, вводит понятие «военная модель» (war model), в которой война рассматривается не в смысле гоббсовского конфликта между людьми, а как характеристика общества в целом, противопоставляемая эссенциальным понятиям об обществе, т.е. тем понятиям, которые определяют общество в соответствии с какой-либо внутренне присущей ему постоянной основой. С точки зрения военной модели, общество следует рассматривать как неустойчивую идентичность, характеризующуюся непрерывным антагонизмом и, следовательно, открытую для постоянного переосмысления. Здесь Ньюмен ссылается на Ницше, который интерпретировал социальную реальность как борьбу множества сил, ценностей и представлений. Ни одно общество не может быть свободным от антагонизмов и противоречий, поскольку общество, в некотором роде, само есть антагонизм и противоречие.

Закон же (искусственный или естественный) — это не завершение борьбы (как полагал Гоббс), а ее продолжение, поскольку, как пишет Ницше, «правовой порядок, мыслимый суверенным и всеобщим, не как средство в борьбе комплексов власти, но как средство против всякой борьбы вообще... был бы враждебным жизни принципом»⁹.

Таким образом, военная модель общества ставит под сомнение отправной пункт анархизма, основанный на идее чистой субъективности и нравственной и рациональной идентичности, которая могла бы занять место государства, заполнить пространство власти. Эта модель утверждает, что сама эта субъективность, эта идентичность, эта эссенция «является лишь временным и неустойчивым доминированием определенных сил над другими, и в ней нет ничего трансцендентного или постоянного»¹⁰.

Среди классиков анархизма Нъюмен выделяет фигуру Макса Штирнера, философию которого он считает неким связующим звеном между политикой классического анархизма и политикой постструктурализма. Штирнер отрицает не только государственную власть, но и самое пространство власти. В центре его философских построений находится проблема индивидуального Я. Военная модель применяется им, согласно Нъюмену, уже к конкретной, отдельно взятой личности. Идея человеческой сущности, по Штирнеру, представляет собой деспотический идеологический конструкт, отрицающий индивидуальность. Более того, сближаясь с постструктурализмом и, в частности, с Фуко, Штирнер описывает процесс субъективации (социализации) именно как проходящий под знаком господства (domination) этой самой человеческой сущности. Анализируя взгляды Штирнера, Нъюмен отмечает: «Человеческая сущность не есть созданное законами природы трансцендентальное пространство, которое угнетает власть. Скорее, это фабрикация власти или, по крайней мере, дискурсивная конструкция, которая может быть создана, чтобы служить власти»¹¹. Поэтому Штирнер выдвигает концепцию «творческого Ничто», которое и представляет собой, вернее, должно представлять «сущность» личности; идею самобытности, которая, согласно логике военной модели, есть непрерывная череда самоопределений, возможная лишь при отсутствии какой-либо эссенциальной основы.

Исследуя едва уловимую взаимосвязь между идентичностью, моралью, рациональной истиной, политикой и властью Штирнер вплотную приближается к постструктуралистскому анализу властных отношений, согласно которому уже больше не существует какого-либо пространства вне власти. Она оказывается распыленной, «дислоцированной» во всех областях человеческих взаимоотношений.

Анализируя антиавторитарные проекты М. Фуко, Ж. Делёза и Ф. Гваттари, Ж. Деррида и Ж. Лакана, Нъюмен, на основе философии последнего, формулирует собственный проект конструктивной поли-

тики постанархизма. Не случайно другой теоретик постанархизма, Юрген Мюмкен, назвал теорию Ньюмена «лаканианским анархизмом»¹². Центральным пунктом философии Лакана в этом отношении является понятие «Отсутствие» (the Lack). В отличие от картезианского Cogito, значение субъекту придает внешний мир посредством символического порядка означающих (signifiers). Субъект рассматривается как вторичный по отношению к означающему и образованный только по отношению к этому означающему. Лакановский субъект не имеет самостоятельной идентичности вне порядка означающих, что, в принципе, соответствует постструктуралистскому пониманию субъекта как эффекта дискурса власти. Однако анализ Лакана показывает, что между субъектом как таковым и его означающим существует разрыв, то самое Отсутствие. Означающее никогда не может полностью выразить то, что оно, якобы, означает. «Существует, следовательно, отсутствие между означающим и тем, что оно означает — избыток смысла, который ускользает от сигнификации, и все же позволяет ей состояться. Субъективность конституируется этим разрывом, этой неудачной сигнификацией»¹³. Этот разрыв, этот излишек смысла, который не может быть обозначен, является пустотой в символической структуре — является «Реальным» (The Real). «Реальное» сопротивляется включению себя в символический порядок и поэтому блокирует формирование полной идентичности. Во всем этом Ньюмен усматривает кардинальный прорыв за пределы постструктурализма и определяет «Внешнего» (Outside), «не-эссенциального» сопротивления пространству власти. «Это не пространственное “Внешнее”, а радикальное — такое, которое, как это ни парадоксально, находится “внутри”»¹⁴. Логика лакановского Реального заключается не в *деконструкции* субъекта (или личности), но скорее в *реконструировании* идентичности на основе собственной невозможности, невозможности быть определяемой с точки зрения пространства власти.

Ньюмен проводит параллель между философиями Штирнера и Лакана. Критика Штирнером идеи сущности позволила вырваться из просвещенческой гуманистической логики классического анархизма и, таким образом, предвосхитить постструктурализм. Лакановские идеи используются таким же образом для того, чтобы преодолеть логику постструктурализма — логику, которая достигла своих концептуальных пределов и, следовательно, уже больше не выдвигает конструктивных аргументов. Кроме того, штирнеровская идея творческого Ничто и лакановская идея Отсутствия рассматриваются Ньюменом как тождественные. И в том и в другом случае «Я» Штирнера / «Субъект» Лакана не могут быть обозначены и блокируют подчинение символическому порядку означающих, а значит и пространству власти.

Искомую идею новой политической теории, соответствующей «эпохе неопределенности» Ньюмен и называет постанархизмом, пред-

ставляющим собой синтез наиболее сильных сторон двух антиавторитарных течений мысли — анархизма и постструктурализма. Новая радикальная политика, по Ньюмену, должна разрешить два спорных момента в отношении пространства власти: создание «Внешнего» по отношению к дискурсу власти пространства, делающего возможным сопротивление, и лишить это пространство каких-либо доминирующих эссенциальных характеристик. Эти два требования удовлетворяются, согласно Ньюмену, посредством лакановского «Отсутствия», или, по крайней мере, изменяются таким образом, что больше не вступают друг с другом в противоречие.

Несмотря на постструктуралистскую критику классического анархизма, его скрытых авторитарных тенденций, имеющих основание в идее человеческой сущности, он (анархизм) является своеобразной точкой отсчета в создании нового антиавторитарного проекта, который предлагает Ньюмен. Для этого, в частности, большое значение имеет этика анархизма: «Объединив нравственные принципы анархизма с постструктуралистской критикой эссенциализма, может быть вероятным прийти к этически осуществимому, политически допустимому и по-настоящему демократическому понятию сопротивления господству»¹⁵.

Анархизм как теория революции, считает Ньюмен, на сегодняшний день не имеет никакого значения, поскольку вопрос о государственной власти растворился в вопросе о власти как таковой, о власти, пронизывающей все сферы человеческой жизни. Подобно марксистскому экономическому редукционизму, анархизм оказывается редукционизмом государственным. Но как этическая стратегия, стратегия сопротивления господству и пространству власти, он все еще имеет огромное значение. Ему необходимо лишь избавиться от контекста XIX в. с его пафосом освобождения тех идентичностей, которых сегодня уже не существует — люмпен-пролетариат, крестьянство и т.д. В этом анархизм дополняется постструктурализмом — логикой неопределенности и непрерывного становления. Этика, таким образом, лишается эссенциальных основ и становится открытой для случайных и множественных толкований. Противоречие, неизбежно возникающее при этом, является условием подлинной этики, ставящей самое себя под сомнение, дабы избежать «кристаллизации» эссенциальных понятий, поскольку абсолютное, считает Ньюмен, есть отрицание этики. Открытость для множества интерпретаций — это и есть то, что должно подразумеваться под современной политикой.

Таким образом, в контексте всего изложенного феномен постанархизма можно определить лозунгом, выдвинутым Джеймсом Адамсом: «Ни нормализация классического анархизма, ни деполитизация постструктурализма!»¹⁶

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с франц. С.Ч. Офертаса под общей ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. – М.: Практикс, 2002. С. 289.

² Там же. С. 312.

³ Адамс Дж. Пост-анархизм в двух словах // Временная автономная зона. Хаким-Бей и Онтологический Анархизм. – URL: http://hakim-bey.gnostik.ru/crit_adams.htm

⁴ Newman S. From Bakunin to Lakan: Anti-authoritarianism and the Dislocation of Power. – Lanham, Lexington Books, 2001. P. 38.

⁵ Ibid. P. 48.

⁶ Бакунин М.А. Протест «Альянса» // Бакунин М.А. Избр. соч. В 5 т. Т. 5. «Альянс» и Интернационал. Интернационал и Мадзини. – Петербург; М.: Голос труда, 1922. С. 6.

⁷ Newman S. From Bakunin to Lakan... P. 49.

⁸ Ibid. P. 50.

⁹ Ницше Ф. Генеалогия морали. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. С. 84.

¹⁰ Newman S. From Bakunin to Lakan... P. 51.

¹¹ Ibid. P. 64.

¹² Mümken J. Postanarchismus Anarchistische Theorie (in) der Postmoderne // Postanarchismus. – URL: <http://postanarchismus.net>

¹³ Newman S. From Bakunin to Lakan... –P. 139.

¹⁴ Ibid. P. 142.

¹⁵ Ibid. P. 158.

¹⁶ Адамс Дж. Пост-анархизм в двух словах...

REFERENCES

Adams J. Postanarchism in a Bombshell. Available at: http://hakim-bey.gnostik.ru/crit_adams.htm (in Russian).

Bakunin M.A. «Alliance»'s protest. Petersburg; Moscow, Golos truda [The voice of work], 1922. 217 p. (in Russian).

Foucault M. Intellectuals and Power. Selected political articles, speeches and interviews. Moscow, Praxis, 2002. 384 p. (in Russian).

Mümken J. Postanarchismus Anarchistische Theorie (in) der Postmoderne // Postanarchismus. – Available at: <http://postanarchismus.net>

Newman S. From Bakunin to Lakan: Anti-authoritarianism and the Dislocation of Power. Lanham, Lexington Books, 2001. 197 p.

Nietzsche F. The Genealogy of Morals. Saint Petersburg, Azbuka [Hornbook], 2013, 224 p. (in Russian).

Аннотация:

В статье анализируется теоретическая концепция постанархизма, явление малоизученное в отечественной философии и социологии. Попытка ревизии теории безгосударственного общества, предпринимаемая теоретиками этой концепции и Солом Ньюменом в частности, помогает не только проанализировать скрытые тенденции классического анархизма, но и осмыслить его трансформацию в условиях современной социокультурной парадигмы.

Ключевые слова: власть, пространство власти, анархизм, постанархизм, постструктурализм, идентичность, дискурс, военная модель, Отсутствие.

Summary

The article examines the theoretical conception of postanarhism, insufficiently studied phenomenon in Russian philosophy and sociology. Attempt to revise the theory of a stateless society, which is made by theorists of this conception and Saul Newman in particular, not only helps to analyze the latent tendencies of classical anarchism, but also to understand its transformation in today's socio-cultural paradigm.

Keywords: power, place of power, anarchism, postanarhism, poststructuralism, identity, discourse, war model, Lack.